DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.035
УДК 821.161.1(470.5) + 82-992 + 070.23

Ю. С. Подлубнова

**«Я ИЩУ ЗА ОКНОМ, КОГДА ЖЕ НАЧНУТСЯ ГОРЫ»:
ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КНИГИ «ПОЕЗДКА НА УРАЛ»
ЕЛИЗАВЕТЫ ПОЛОНСКОЙ**

В статье рассматривается жанровое своеобразие книги «Поездка на Урал» Е. Г. Полонской, написанной по результатам командировки писательницы от газеты «Ленинградская правда» в 1926 г. в Свердловск и Уральскую область. «Поездка на Урал», впервые попавшая в фокус пристального исследовательского внимания, прочитывается как журналистский текст, созданный в эпоху советского строительства, реконструкции заводов и городов. Е. Г. Полонской удается не просто запечатлеть восстановление производства после Гражданской войны, но перейти к фиксации «наших достижений»; масштабность ее видения во многом предвосхитила новую эпоху — эпоху индустриализации. В статье делается вывод, что в жанровом отношении книга продолжила традиции литературы путешествий и стала советским вариантом травелога, состоящего из компиляции путевых записок, фельетона и производственных очерков.

Ключевые слова: русская литература 1920-х гг.; Е. Г. Полонская; «Поездка на Урал»; травелог; производственный очерк; образ Урала

Литература путешествий, ставя перед собой задачу описывать перемещения в пространстве, «может существовать в самых различных видах вплоть до превращения в условный прием» [Гуминский]. Она включает в себя большое количество жанровых форм и дискурсов и тяготеет к гибридности на разных уровнях текста [Гуминский; Милюгина, Строганов]. Травелог, который мы понимаем как одну из разновидностей литературы путешествий, отличающуюся документализмом и эго-документальностью и имеющую сюжет, выстроенный вокруг путешествия [Майга], также не является строгой жанровой формой и в зависимости от целого ряда факторов, в том числе связанных со спецификой осваиваемого пространства и эпохой создания текстов, состоит из довольно разнообразного набора элементов и конструкций. Он способен активно взаимодействовать с художественными, публицистическими и научно-исследовательскими жанрами. Так, на основе травелога — его структуры и повествовательных стратегий — создаются различного рода гибридные формы, не утрачивающие функции конструирования образа региона, но, наоборот, расширяющие возможности того, кто конструирует.

Сложно не согласиться с Д. Замятиным, утверждавшим, что «...во многом посредством литературных произведений (и текстов, ставших таковыми) Россия осознала и осмысляла свои огромные и слабо освоенные пространства. Можно

ПОДЛУБНОВА Юлия Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры издательского дела Уральского федерального университета; научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (e-mail: tristia@yandex.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5210-0861>

© Подлубнова Ю. С., 2021

сказать, что русская литература развивалась на ходу, трясаясь в карете, в тарантасе, на телеге, по пыльным проселкам и широким трактам» [Замятин, с. 26]. Писатели, а затем и журналисты, отправляющиеся в путешествие по бескрайним просторам империи, переоткрывали Россию — территории Севера [Созина], Сибирь [Анисимов] и т. д. Урал в этом ряду не стал исключением. Как замечает Е. Г. Власова, «историография Урала как колонизованного пространства в основе своей опирается на отчеты о путешествиях — торговых, дипломатических, деловых, научных и, конечно, литературных, период интенсивного развития которых пришелся на XIX — начало XX в.» [Власова, 2019, с. 144]. Далее исследовательница рассматривает целый набор образов региона, сконструированных в литературе путешествий.

К 1920-м гг. Урал был во многом описан, в том числе такими авторами, как Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. И. Немирович-Данченко, А. П. Чехов [История литературы Урала], Б. Л. Пастернак [Абашев], отразившими ландшафтную, производственную, этнографическую специфику края. Однако советская эпоха неизменно вносила свои корректировки и в общее представление о регионе, и в отдельные образные ряды, связанные с территорией, и в выбор описательных форм и конструкций. Новые поколения писателей и журналистов, поехавшие на Урал теперь уже чаще всего по заданию редакций, интересовались восстановлением производственных мощностей после Гражданской войны и затем процессами индустриализации. Ведущим жанром эпохи становится производственный очерк, и он неизбежно оказывает влияние на другие документальные жанры. «Новая модель очерка на производственную тему в большинстве своем повторяла композиционные черты очерка традиционного — этнографического», — пишет Е. Р. Абдуразакова [Абдуразакова, с. 6]. И далее: «Производственные очерки, как правило, были построены в жанре “путешествия” (по фабрике, заводу, стройке)» [Там же]. Кроме того, они могли объединяться в циклы, репрезентующие путешествия журналистов и писателей с их маршрутами и дорожными дискурсами.

Одной из подобных книг 1920-х гг., созданных по результатам творческой командировки в регион, стала «Поездка на Урал» (1927) Елизаветы Полонской.

Напомню биографию ее автора. Полонская Елизавета Григорьевна (наст. фам. Мовшенсон, Мовшензон; 14(26).06.1890, Варшава — 11.01.1969, Ленинград), поэтесса, переводчица, журналистка. Родилась в семье инженера-путейца, детство провела в Польше и Германии. Окончила Петербургскую женскую гимназию В. Н. Хитрово, участвовала в социал-демократическом движении, занималась доставкой подпольной литературы из Финляндии в Санкт-Петербург. Окончила медицинскую школу Сорбонны (1914). В Париже занялась поэтическим творчеством, тогда же состоялись первые публикации. В годы Первой мировой войны служила врачом. После возвращения в Петроград занималась в литературной студии у Н. С. Гумилева, К. И. Чуковского и М. Л. Лозинского. Единственная женщина в литературной группе «Серapiоновы братья». Автор книг стихотворений и прозы [Полонская, 2008].

Осенью 1926 г. Е. Г. Полонская, получив командировку от «Ленинградской правды» и взяв отпуск за свой счет на табачной фабрике, где работала врачом

медпункта, отправилась на Урал [Полонская, 2008, с. 424]. Результатом поездки стал ряд очерков, вышедших отдельной книгой в издательстве «Прибой» в 1927 г. (тираж — 4000 экз.) [Полонская, 1927]. «Сколько интересного я видела: и восстановление заводов, и новых людей, которые в первый раз вдохнули воздух свободы, и исторические места. Обо всем этом я написала очерковую книгу...», — вспоминала через много лет Е. Г. Полонская [Полонская, 2008, с. 424]. «В задачу нынешней книги входило только одно: написать о том, что я видела», — признавалась она в заключительном фрагменте «Поездки на Урал» [Полонская, 1927, с. 113]. Особенностью книги Е. Г. Полонской стало сочетание фактов, знаний и умозаключений — путевых, исторических, производственных и фельетонных дискурсов. «Поездка на Урал» прочитывается как журналистский тревелог, созданный в эпоху советского строительства, реконструкции заводов и городов.

Книга имеет геохронологическую структуру, воспроизводя маршрут следования Е. Г. Полонской по Уралу. Здесь фигурируют Галич — Мансурово — Вятка — Пермь — Кунгур, увиденные из вагона поезда, затем Свердловск — Карабаш — Кыштым — Березовский — Нижний Тагил — снова Пермь, в которых писательница останавливалась на некоторое время и посещала разные локации, в том числе и главным образом, если судить по ее записанным впечатлениям, производственные: заводы, фабрики, рудники. Эта фокусировка на производственной деятельности в очерках Е. Г. Полонской в типологическом отношении приближает их к книге «Кама и Урал» (1890) В. И. Немировича-Данченко, открывающего для читателя горнозаводской Урал: его ландшафты, специфику хозяйствования, коллизии его жизни и его типажи. Похожая цель была и у советской писательницы. «Но мне хотелось бы еще раз побывать за Каменным Поясом, посмотреть на мрачные горы, на широкие долины, на кедровые леса, на пруды и заводы, на суровых и крепких уральских людей и послушать рассказы о старой и новой “старине”», — заканчивает книгу Е. Г. Полонская [Полонская, 1927, с. 113], обнаруживая оптику постороннего, но любопытного до деталей наблюдателя, «пристрастного свидетеля» [Полонская, 1934, с. 5] (как напишет она потом, в книге очерков «Люди советских будней», 1934), не оставляющего без внимания ни один «красный корпус завода» [Полонская, 1927, с. 12], попавший на пути следования.

Принципиальны в «Поездке на Урал» дорожные фрагменты, формирующие «важную для определения пространственного модуса человека опцию — особенность видения» [Власова, 2020, с. 249]. Путешествие начинается с третьей (багажной) полки жесткого вагона (единственной, на которой было можно лежать), направляющегося из Москвы в Свердловск. А сама встреча с Уралом оказывается связана с различного рода ожиданиями, которые оправдываются либо не оправдываются в поездке. В частности, путешествие по Горнозаводской ветке определяет восприятие уральского ландшафта, доминантой которого внезапно становятся не горы, как изначально ожидает автор очерков, но реки. «Да существует ли Урал? Я ищу за окном, когда же начнутся горы. Их нет ни вблизи, ни вдали» [Полонская, 1927, с. 10]. Ирень, Сылва, Чусовая — «все они бегут нам навстречу с горного хребта» [Там же, с. 11]. «Общая ширь пейзажа, отлогие переходы в долины. Подъем и перевал через хребет совершаются так незаметно, что

вы ни на минуту не имеете перед собой горной панорамы. Оттого-то и построена здесь дорога...» [Полонская, 1927, с. 12]. Более отчетливые горные ландшафты появятся позже, когда Е. Г. Полонская отправится знакомиться с устройством рудников, но способ перемещения в пространстве тогда уже перестанет иметь для нее значение.

Урал в вагоне приоткрывается и через калейдоскоп лиц и обрывков услышанных разговоров попутчиков, возвращающихся с курортов или специально едущих работать в Свердловск. С одной стороны, внимательный к временным обитателям жесткого вагона, создающий типажи и воспроизводящий разговоры, автор демонстрирует реалистическую оптику, которая заставляет вспомнить реализм железнодорожных наблюдений Д. Н. Мамина-Сибиряка. С другой, фрагментарность в воспроизведении увиденного и услышанного, обусловленная усиленным ожиданием встречи с тем Уралом, который писательница представляет, опираясь, видимо, на разные источники, не указанные в книге. Это напряженно-сосредоточенное ожидание Е. Г. Полонской в некотором смысле напоминает утопические чаяния иной России героя очерка С. А. Ауслендера «От Москвы до Екатеринбурга» (опубликован в нескольких номерах газеты «Зауральский край» за 1918 г.), бегущего от большевиков в прекрасную страну Колчака, но с существенной поправкой на то, что Е. Г. Полонская, абсолютно лояльная к советской власти, едет на промышленный Урал. Вместо индивидуализированной политической утопии мы имеем дело с утопией политико-экономической в ее советском изводе.

Пунктом назначения автора становится Свердловск. Здесь писательница проводит большую часть времени и посвящает городу 6 очерков из 17, включенных в книгу. Как и другой писатель-«серapiон» Н. Н. Никитин, посетивший Свердловск несколькими годами ранее и написавший очерк «Столица Урала» (1922), Е. Г. Полонская в своих наблюдениях отражает контраст между административным статусом столицы Урала и тем, что представляет собой «город деревень», в котором нет ни тротуаров, ни водопровода, ни достаточного количества жилья для рабочих (жилищный кризис), ни милиции. «Что поражает в Свердловске — это смесь XVII века с XX» [Полонская, 1927, с. 13]. «Город буквально трещит от количества трестов, учреждений, комитетов, представительств и контор, от людей, приезжающих из Москвы или Сибири» [Там же, с. 16]. И тут же:

Увы! Улицы вымощены только в самой середине. Между мостовой и панелью лежат болотистые обочины, в которых вы рискуете оставить галоши и сапоги, а, если эти последние у вас, туго снимаются, то и собственные ноги.

Вы возвращаетесь из театра. В Свердловске прекрасный театр, выстроенный по всем правилам театральной техники. В этом здании хорошая опера, и даже заведены абонементы и широко распространяются среди рабочих организаций. Свердловская опера популярна на заводах.

Но вы возвращаетесь из театра, липнете в черной грязи на неосвещенных улицах, и, если на вас нападет кто-нибудь из местных бандитов, празднующих медовый месяц русской горькой, вы напрасно будете звать милиционера, — по ночам их нет [Там же, с. 13–14].

Подобные пассажи в «Поездке на Урал» носят отчетливый фельетонный характер и приближаются не только к сатирическим зарисовкам Н. Н. Никитина и в целом свердловского «городского» фельетона 1920-х гг. [Клочкова, 2008; Подлубнова], но и к текстам самых яростных екатеринбургских фельетонистов начала XX в. — В. П. Чекина, П. Я. Блиновского и др., также писавших о проблемах отсутствия тротуаров и водопровода в городе [Власова, 2001; Козлов; Чекин].

С особым сарказмом Е. Г. Полонская, чья оптика сформирована европейским искусством, описывает свердловские памятники. Один из них изображает «голого, сутулого и вислозадного юношу», «в ненастный октябрьский денечек этот “голый” производит крайне жалкое впечатление», другой — «Кузнецу Мира» или «Кузнецу Вселенной» «на том же Ленинском проспекте может сравниться по безобразию выполнения только с отрезанной головой Карла Маркса в ермолке, выставленной на постаменте вроде позорного столба против знаменитого Ипатьевского дома» [Полонская, 1927, с. 17].

Однако свердловские очерки посвящены не только и не столько непосредственным и противоречивым впечатлениям писательницы от города. В фокусе внимания Е. Г. Полонской оказываются Ипатьевский и Харитоновский дома, дом главного горного начальника, аффинажный и Верх-Исетский заводы, гранильная фабрика, водоканал, Истпарт (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)) и многое другое. Рассказывая о городе, его мощностях и локациях, она неизменно выделяет трудовые усилия и их зримые результаты, подкрепляя наблюдения фактологической базой и даже артикулированными планами на будущее.

Строят электростанцию — в первую голову дать ток Верх-Исетскому поселку, осветить рабочие дома.

Строят водопровод — первое задание: водопровод для Верх-Исетского завода.

Пройдет еще несколько лет, начнется грандиозная жилищная стройка [Там же, с. 30].

Описывая городские локации, Е. Г. Полонская, в духе времени, чередует исторические, историко-революционные и производственные дискурсы. К примеру, очерк про работу гранильной фабрики начинается с рассказа о Парижской Всемирной выставке 1900 г. и карте Франции, собранной уральскими мастерами из самоцветов. Строительство водопровода в городе заставляет Е. Г. Полонскую выдумать несколько фрагментов для будущего учебника истории:

200 лет стоял Екатеринбург, и екатеринбургские жители пили воду из реки Исети. Продавали им воду водовозы по 3 копейки за ведро. Два года стоял на месте Екатеринбург Свердловск, и свердловские рабочие не захотели пить гнилой воды [Там же, с. 37].

Приобщением к недавнему революционному прошлому становится посещение с разрешения Истпарта Ипатьевского дома, где сейчас находится комвуз и в одной из «расстрельных комнат» живут студенты. А приезд в город чехословацкой делегации, имеющей коммунистические убеждения, заставляет вспомнить роль Чехословацкого корпуса в событиях Гражданской войны на Урале.

Экскурсы в историю позволяют создать в очерках панорамный образ Урала. Куда бы не отправлялась Е. Г. Полонская — в Карабаш, Кыштым, Березовский, Нижний Тагил и Высокогорский рудник, историческая оптика подсвечивает детализированные картины производственного возрождения региона. «Меня интересовал вопрос: после Григория Зотова и Лесли Укварта каков-то теперь управляющий Кыштымским заводом?» [Полонская, 1927, с. 68]. При этом писательнице удастся запечатлеть не просто восстановительную стадию производства (ее описывает, скорее, в своих очерках Л. М. Рейснер, побывавшая на Урале чуть раньше Е. Г. Полонской [Рейснер]), но перейти к фиксации достигнутого.

Гражданская война отрезала руде выход из земли, она разрушила рудники и медеплавильные заводы, но уже 3 года, как уральские рабочие восстанавливают рудники и заводы... [Полонская, 1927, с. 59].

«Очерк будто создан для концентрации настоящего, во всех его смыслах», — пишет Н. В. Веселкова, обращаясь к уральской очеркистике 1920–1940-х гг. [Веселкова, с. 308]. Цель Е. Г. Полонской не столько рассказать о прошлом завода, фабрики, рудника, сколько предельно популярно объяснить читателю, какую роль играет производство в той или иной части современного Урала, как устроены завод, фабрика, рудник и как работают различного рода технологии.

Аппарат для промывания песка — вашгерд или, как его называют старатели, «машерт» — несложен.

Чтоб увидеть его, не надо ходить далеко.

В самой середине села, под мостом через речку Березовку, я увидела такой «машерт». И двух старателей при нем.

Машерт состоит из наклонного деревянного жолоба и ручного насоса для накаливания воды. Жолоб перегороден на две части. На дне нижней части лежит суконка, в верхнюю насыпается песок («Золото в Березовске») [Полонская, 1927, с. 76].

Создавая образ современности, Е. Г. Полонская пользуется расхожими приемами производственной журналистики 1920-х гг. (см., например, очерки Л. М. Рейснер о Кизилловских заводах и Донбассе или очерки об Армении М. С. Шагинян и пр.). Как замечала М. С. Шагинян, «писатели увлеклись в ту пору вещами и техникой, машиной, проектами, даже названиями инструментов» [Шагинян, с. 208]. Репортаж с места в очерках Е. Г. Полонской соседствует с фрагментами краеведческих исследований, научно-популярных трактатов и производственных отчетов, пестрящих статистическими данными.

Кыштым сделан так: по холмам и оврагам разбросаны бревенчатые черные избы с узорными коньками. Два пруда — Верхний и Нижний. На берегу Верхнего пруда белый барский дом и мертвые корпуса старого чугуноплавильного завода. На Нижнем пруду за тяжеленным деревянным частоколом дымится новый — бывший уркартовский, а нынче Карабашско-Кыштымского медного комбината — электролитный завод (очерк «Кыштым») [Полонская, 1927, с. 66].

Как живут и чем живут близ Высокой горы <...>? Работают сдельно, с куба сработанной породы. Нанимаются, большей частью, артелью. Забойщик с парой лошадей

вырабатывает от 4 до 6 рублей в день. Пеший забойщик 1 р. 80 — 2 р. 50. Гонялка получает от 65 коп. до 1 р. («Высокогорские рудники») [Полонская, 1927, с. 99].

Одной из особенностей очерков Е. Г. Полонской становится внимание к роли и месту женщины на производстве и в рабочей жизни в целом. Например, она замечает, что на Высокогорских рудниках издавна есть профессия «гонялок», доставляющих на лошадях руду из-под земли наверх. Раньше «гонялками» работали девочки с 9 лет, сейчас здесь трудятся комсомолки, а на более новых шахтах брамсберги и вовсе отменили этот тяжелый труд. Очерк «Чуличкова и Чепурковская» посвящен двум выдающимся женщинам Карабаша: одна из них — Чуличкова — обнаружила в себе потенциал советской активистки и организовала женсовет, другая — Чепурковская, — чьей настойчивости «следовало бы поучиться», добилась открытия в Карабаше школы 2-й ступени (для этого она впервые в жизни съездила в Свердловск и обратилась в ОКРОНО). «Это невыносимо-трогательная история, смешная и трогательная», — резюмирует Е. Г. Полонская, симпатизирующая своей героине [Полонская, 1927, с. 58]. Кстати, именно этот очерк — один из двух уральских — будет включен писательницей в книгу очерков 1934 г. «Люди советских будней».

Посетив заводы и рудники Нижнего Тагила, Е. Г. Полонская отправляется в Пермь. Это конечная точка ее уральского маршрута. Определяя город как «бывшую столицу» Урала [Там же, с. 101] в пику нынешней, автор очерков настоятельно подчеркивает его статус «скромной окружной единицы» [Там же].

После шумного Свердловска тихие улицы Перми покажутся вам безлюдными. Величаво и безмолвно течет широкая черная Кама. На чистеньких мощеных улицах с асфальтовыми панелями стоят пустые купеческие особняки. Город эвакуировался дважды — при красных и при белых. В третий раз он опустел с ликвидацией губернских учреждений, в связи с районированием края [Там же].

В Перми нет жилищного кризиса, как в Свердловске, но нет теперь и административных полномочий. Е. Г. Полонская, без сомнения, знающая о соревновательном характере конфликтов между уральскими городами (нашедших свое место в региональной очеркистике и фельетонистике [Клочкова, 2016]), выбирает сторону Свердловска, концентрирующего административный и производственный потенциал¹.

Для писательницы имеет значение, что в Перми есть университет и признаки цивилизации: «Пермь завела в свое время, за счет уездных городов, водопровод, канализацию, электрическое освещение и телефон» [Полонская, 1927, с. 102]. Но при этом «кругом Перми живут потомки остяков и вотяков, зырян и пермян и всей “чуди белоглазой”, и жизнь их мало чем отличается от жизни их предков» [Там же]. Колониальный статус метрополии перечеркивает авторитет «гнезда краевой культуры», хранилища старины. Старое, в понимании

¹ Это важное отличие советской поездки журналиста от путешествий XIX в., которые, как правило, начинаются с Перми, и Пермь в их описаниях «выходит на первый план». См.: [История литературы Урала, с. 518].

писательницы, — царское, удушливое, темное. В Перми худо-бедно продолжает работу музей, но экспонирует он «сборище страшных деревянных раскрашенных идолов» [Полонская, 1927, с. 106]. «Мученики измучены до того, что, глядя на них, вы начинаете чувствовать тошноту, как в музее кожных болезней» [Там же]. Именно в «старой» Перми на базаре автор очерков встречается «колдунью», продающую зелья и травы «от испуга» и прочих болезней.

Перми центральной противопоставлены городские окраины, главным образом Мотовилиха, «очаг революционного движения» [Там же, с. 109] и огромный завод с собственной инфраструктурой. В поисках «настоящих людей» Е. Г. Полонская приходит в рабочий клуб, где декламируют стихи, и здесь ей становится ясно, что книга очерков, которая создается ею в поездке по Уралу, «лишняя» с точки зрения «элементарных потребностей» [Там же, с. 111] рабочего человека. Но при этом Е. Г. Полонская признается в ощущении гордости за культуру, которая и состоит из «лишнего» и которая стала связующим звеном между ней, служителем литературы, и рабочей молодежью, приобщившейся к поэзии и театру. Эти размышления, возможно, искусственным образом привязанные к Мотовилихе, стали прологом к финальному очерку в книге.

Очерк «Записная книжка», завершающий «Поездку на Урал», представляет собой монологическое обращение автора к собственной записной книжке, сопровождавшей ее в поездке в качестве спутницы и фиксатора всего увиденного. «Записная книжка, верная моя спутница, наконец-то я тебя разгрузила. Даты и фамилии, анекдоты и факты, цифры и лирику — ты принимала все, что видели мои глаза и слышали мои уши», — восклицает Е. Г. Полонская, чтобы затем припомнить вместе те яркие эпизоды поездки, которые не попали в предыдущие очерки — от увиденных мачт новой радиостанции на «раскольничьем» Шарташе до компании пьяных растратчиков в Перми [Там же]. Лирическое обращение к записной книжке является в определенном смысле выходом за пределы взятой на себя роли советского журналиста, фиксатора увиденного в поездке, и в большей степени проявляет Е. Г. Полонскую как писателя, владеющего разными инструментами построения нарратива и уже четко продумавшего финал книги. «Все эти вопросы записаны в тебе, записная книжка, и обо всех этих вопросах мы обещались написать. И вот я списываю их на страницы этой книги» [Там же, с. 113].

Писательница таким образом прощается с Уралом, чтобы больше к нему не возвращаться. В более поздних ее воспоминаниях о поездке будет сказано довольно кратко, а художественных текстов иного рода, нежели очерки и мемуары, по результатам путешествия она не оставила.

Разумеется, короткая поездка не могла дать обширного материала для досконального исследования Урала. Не случайно Е. Г. Полонскую обвиняли в поверхностном взгляде на жизнь региона. Известна, например, рецензия в «Уральском рабочем», подписанная «Дм. Р.». Ее автор укоряет Е. Г. Полонскую в том, что она не побывала в глухом и малоизвестном Урале, ограничилась «наблюдениями, беглыми и не забирающимися в глубь рабочего быта, в коренные проблемы уральской промышленности, в жизнь наших городов» [Дм. Р.]. Рецензент делает

вывод, что очерки Е. Г. Полонской «не проживут долго и в литературе об Урале им не занять значительного места» [Там же]. Вероятно, книгу Е. Г. Полонской так воспринял не только Дм. Р. По крайней мере, в отличие от текстов иных советских авторов, побывавших в регионе (В. В. Маяковского, В. П. Катаева и пр.), «Поездка на Урал» не стала фактом заметным, широко обсуждаемым, как не стала и своего рода образцом для подражания при создании производственных очерков о предприятиях региона другими писателями, в том числе уральскими.

Очерки Е. Г. Полонской, зафиксировав восстановительную эпоху в жизни региона, продолжили традиции литературы путешествий и стали советским вариантом травелога, состоящего из компиляции путевых записок, фельетона, историко-революционных и более всего производственных очерков. Доминирующая производственная составляющая поместила очерки Е. Г. Полонской в один ряд с очерками Л. М. Рейснер, но масштабность видения во многом предвосхитила новую эпоху — эпоху индустриализации.

Абашев В. В. Урал как предчувствие. Заметки о геопозитике Бориса Пастернака // Культура путешествий в Серебряном веке. Исследования и рецепции. Екатеринбург ; Москва, 2020. С. 181–200.

Абдуразакова Е. Р. Художественное своеобразие очерковой книги Бориса Пильняка «Таджикистан — седьмая советская» // Историческая поэтика жанра. 2006. № 1. С. 5–20.

Анисимов К. В. Русская литература и Сибирь в XIX веке: восточный травелог как дискурсивный опыт территориальной интеграции (записки путешествий П. И. Небольсина) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. М., 2016. С. 37–55.

Веселкова Н. В. Невозможность настоящего: три жизни очерка 1920–1940-х гг. на Урале // Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика. Екатеринбург, 2015. С. 303–322.

Власова Е. Г. Травелоги в истории литературного открытия Урала // Урал. ист. вестн. 2019. № 2 (63). С. 143–149.

Власова Е. Г. Урал из окна вагона: средства коммуникации и травелог // Культура путешествий в Серебряном веке. Исследования и рецепции. Екатеринбург ; Москва, 2020. С. 249–258.

Власова Е. Г. Уральская стихотворная фельетонистика конца XIX — начала XX века : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.

Гуминский В. М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М., 2017.

Дм. Р. Среди книг // Уральский рабочий. 1927. № 174 (2771), 2 авг. С. 6.

Замятин Д. Н. Географические образы путешествий // Гуманитарная география : альманах. М., 2004. Вып. 1. С. 12–41.

История литературы Урала. XIX век : в 2 кн. М., 2021. Кн. 1.

Ключкова Ю. В. Аномалии уральского города в фельетонах Перми и Екатеринбурга начала XX века // Норма и аномалия в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2016. С. 258–271.

Ключкова Ю. В. Фельетоны на страницах газеты «Уральский рабочий» (1919–1926 гг.) // Региональный литературный ландшафт в русской перспективе. Тюмень, 2008. С. 336–341.

Козлов И. В. Стихотворные фельетоны П. Я. Блиновского в газетах «Уральский рабочий» и «Уральская новь»: жанр и исторический контекст // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 135–146.

Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. 2014. № 3 (37). С. 254–259.

Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий. Тверь, 2013.

Подлубнова Ю. С. Уральская повседневность в свердловском фельетоне 1920-х гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25, № 3 (189). С. 106–115.

Полонская Е. Г. Города и встречи. Книга воспоминаний / вступ. ст., послесл., коммент. Б. Я. Фрезинского. М., 2008.

Полонская Е. Люди советских будней. Л., 1934.

Полонская Е. Поездка на Урал. Л., 1927.

Рейснер Л. Уголь, железо и живые люди. М. ; Л., 1925.

Созина Е. К. Северные нарративы начала XX века (М. Пришвин, К. Жаков) // Дергачевские чтения–2011: Национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2012. С. 184–189.

Чекин В. П. Летопись славных и постыдных дел, знамений небесных и чудесных событий города Екатеринбурга, столицей Урала именуемого / вступ. ст. и коммент. Ю. Сахновской. Екатеринбург, 2018.

Шагинян М. Три поколения книг // Яков Ильин. Воспоминания современников. М., 1967. С. 208–211.

Статья поступила в редакцию 05.03.2021 г.